

*Урина
Цветкова*

ЖРЕБИЙ СУДЬБЫ

Аннотация

Российская империя. Конец XIX — начало XX века. История любви ресторанной певицы Ксении и офицера Павла.

По мотивам этого произведения снят одноимённый четырёхсерийный художественный фильм.

Ирина Цветкова

Жребий судьбы

ЧАСТЬ 1

Свет в ресторане был приглушён. Ксения в гримёрке готовилась к своему выходу. Ресторанная певица сама наложила себе грим, осмотрела себя в зеркале, поправила перья, провела рукой по блёсткам. Вроде всё в порядке. Теперь осталось только подождать, пока Антон Кузьмич, распорядитель, вызовет её в зал.

Ксения Никитина выступала под псевдонимом Алмазова. Её очередь была после братьев Орешниковых, которые были вовсе никакие не братья, а просто вместе свели посторонних людей, которые исполняли куплеты и частушки. Обычно они выступали после Ксении, когда публика уже навеселе, но сегодня её попросили поменяться. Ей было всё равно. Директор ресторана, видя, что один из «братьев», Любомир Касторников, входит в запой, понимал, что чем раньше его выпустить на сцену, тем трезвее будет артист. Если додержать его как обычно, то после выступления Ксении, когда его выход, он будет уже пьян, хоть и стараются отнять у него всё хмельное, обыскивают гримёрку, но он всё равно как-то находит способ

глотнуть горячительного зелья.

Ксения ещё и ещё раз проверила, всё ли у неё в порядке со сценическим костюмом. Хотя на самом деле беспокоил её не костюм. Там, в зале, должен сидеть один молодой человек...

Он часто приходил в этот зал. Она давно заметила его. Как ей показалось, и он смотрел на неё. Нет, конечно, ничего удивительного здесь нет, все зрители смотрят на артистку. Но ей казалось, что он не сводит с неё глаз и взор его особенный. Ни словом, ни взглядом Ксения не могла показать, что ей нравится молодой офицер, но пела она, каждый раз выходя на ресторанные подмости, только для него. И даже когда она получала от него корзины цветов, не смела дать ему понять, что и он ей нравится.

Бедная девушка, зарабатывающая себе на жизнь пением, не имеет права на чувства. Она должна дорожить местом и репутацией. Мужчины приходят и уходят, сколько их ещё будет в этом зале и в её жизни, а работа у неё пока одна. Если она её потеряет, то надеяться ей не на кого. Ей никто ничего в этой жизни просто так не даст. Ей надо самой зарабатывать, завоёвывать... Тем более, если она мечтает перейти из ресторана на театральную сцену.

О сцене Ксения мечтала всегда. Когда в детстве к ней приходил мсье Дюбуа давать уроки

музыки, он первым заметил её удивительный вокальный дар.

— Если эта девочка не погубит свой талант замужеством, — говорил он её родителям, так и не избавившись от французского акцента, — она станет великой певицей. Ей будут рукоплескать все столицы мира!

В её детстве было всё: был большой дом в центре города на Эрделевской, было загородное имение, был свой пони, был белый рояль и рождественские ёлки... Было замечательное, прекрасное детство. Но всё кончилось неожиданно и нелепо. Её отец, Александр Прокофьевич Никитин, был большим поклонником азартных игр. По-первах ему везло, но потом начались неудачи. Маленькая Ксения сначала не обращала внимания на то, что из дома исчезают ценные вещи. Время от времени приходили какие-то люди, уносили мебель. Девочка не придавала этому значения: уносят — значит так надо. Но когда забрали её любимый белый рояль, она рыдала безудержно и неистово. Делу это не помогло. Белый рояль исчез из её жизни навсегда. Как, впрочем, и всё остальное. Пытаясь отыгаться, Никитин потерял всё. У них не осталось даже крыши над головой. Поняв, до чего он довёл свою семью, отец покончил с собой.

Ксюша с матерью оказались без средств к

существованию в сырой, полутёмной комнате. Её мать, Аделина Ивановна, светская красавица с красивым бархатным голосом (который и унаследовала Ксюша), не вынесла таких бурных перемен в своей жизни, вскоре зачахла и умерла. Осиротевшую Ксению определили в детский приют. Она оказалась в приюте для девочек, где все ходили в одинаковых платьишках и были одинаково коротко пострижены.

Спустя годы, выйдя из стен приюта, Ксения понимала, что на приличное замужество ей надеяться не приходится. На театральную сцену с её коротко стриженными волосами и ситцевым приютским платьицем — тоже. Чтобы прийти на прослушивание в театр и добиться успеха, надо было отрастить волосы, купить красивую одежду. А для этого надо было найти работу, снять жильё...

— Мадемуазель Ксения! Ваш выход, — вывел её их задумчивости голос Антона Кузьмича.

Она поднялась, бросила последний взгляд на себя в зеркало и пошла следом за ним.

— Уважаемые господа! А сейчас для вас поёт звезда ресторана «Глициния». Несравненная! Блистательная! Очаровательная! Восхитительная! Дивная! Божественная! Единственная и неповторимая Ксения Алмазова! Прошу любить и жаловать, господа!

Ксения вышла под шквал оваций. Здесь её

любили. Она исполняла романсы. Когда она начинала петь, люди переставали жевать, оставляли ножи и вилки и не сводили с неё глаз. Она зачаровывала всех своим голосом. Даже официанты переставали сновать по залу. Но она глазами искала одного-единственного человека. Он здесь. Значит, всё в порядке, день прожит не зря. Она не знала даже его имени, но ей достаточно было всего лишь увидеть его и почувствовать себя счастливой оттого, что он слышит её пение. Никто, ни один человек в этом зале не догадывается, что поёт она лишь для него одного. В том числе и он сам об этом не знает. Ксения понимала, что не может рассчитывать на взаимность со стороны молодого человека и единственное, на что имеет право — это петь для него. Знать, что он слышит её голос, видит её саму — этого ей достаточно. Ни на что большее она не имеет права.

После романсов у неё был второй выход с программой варьете. По закону жанра Ксения под конец выступления с бокалом шампанского в руке оказывалась на коленях какого-нибудь мужчины, обнимая его и накидывая на него своё боа. Каждый раз она боролась с собой, желая плюхнуться на колени объекту своего интереса. Но усилием воли она отклоняла эти мысли: вдруг он подумает, что она — легкомысленная особа. Вот и сегодня Ксения мысленно поспорила сама с собой, в очередной раз

подумала, что можно бы один раз рискнуть (в конце концов, он же видит каждый раз, как она садится мужчинам на колени, ничего такого не случится страшного, если однажды она сядет к нему. Чёрт возьми, она же артистка! Это всего лишь роль). Но благоразумие вновь отвело все доводы. Этот молодой красавчик в погонах не должен догадаться, что она, Ксения Алмазова, к нему неровно дышит.

...Закончив номер, Ксения подняла глаза... и встретила взглядом с тем, о ком думала все последние недели. Она была у него на коленях. У неё от ужаса перехватило дыхание, и она убежала за кулисы, забыв своё боа на его шее.

Ресторанный зал взорвался аплодисментами. Смущённая Ксения не хотела выходить на поклон, но Антон Кузьмич буквально за руку вытащил её из гримуборной.

Ксения вышла к публике и поклонилась.

— Перья свои заberi! — слышались нетрезвые голоса. В зале стоял звон бокалов, слышалось цоканье вилок и ножей о тарелки. Ксения игривой походкой подошла к столику, где сидел молодой офицер, по-кошачьи цапнула своё боа и пошла к выходу за кулисы, по пути щекоча носы мужчинам перьями своего боа.

Уже зайдя в гримёрку, она с ужасом обхватила голову руками: «Боже, что он обо мне подумает?» А что он, собственно говоря, должен

подумать? Она всего лишь ресторанный певичка. Кому есть дело до неё, сироты, вынужденной зарабатывать себе на хлеб насущный? Разве этот красивый холёный офицер когда-нибудь снизойдёт до того, чтобы заговорить с ней?..

— Ксения Александровна, вы сегодня, как, впрочем, и всегда, были неподражаемы! — похвалил её Антон Кузьмич. Ещё он сказал, что сейчас ей принесут ужин.

— Нет, не надо, — стала отказываться Ксения. — Мне сегодня кусок в горло не пойдёт.

— Возражения не принимаются, — ответил ей распорядитель ресторана. — Нам нужна здоровая певица. Поэтому я лично слежу за вашим режимом питания.

Когда она смыла грим и переделалась, он заставил её проглотить ресторанный ужин. Потом она направилась домой. На сегодня её рабочий день был окончен.

— Пока, Кузьмич, до завтра.

По дороге к выходу она прощалась с встречавшимися ей на пути работниками ресторана «Глициния». У них трудовая вахта в самом разгаре, а ей предстоит идти одной по тёмным, ночным городским улицам. Одни граждане уже спят в своих постельках, другие пируют в ресторанах, а она, Ксения Никитина, она же Ксения Алмазова, тихонько побредёт одна в свою съёмную квартиру.

И никому нет до неё дела — ни городским мещанам, мирно спящим у себя дома, ни веселящимся посетителям ресторана «Глициния», которые ещё несколько минут назад бурно аплодировали ей.

Толкнув входную дверь, Ксения шагнула в черноту ночи. И тут же отшатнулась, увидев мужскую фигуру. Незнакомец приблизился к ней.

— Разрешите вас проводить домой, сударыня? — произнёс он.

У Ксении бешено заколотилось сердце. Она узнала этого человека. Это был ОН!

Молодой человек хотел было предложить, чтобы она взяла его под руку, ведь в темноте идти опасно и неудобно, но потом подумал, что неприлично знакомой девушке предлагать свой локоть.

Ксения не верила тому, что с ней происходит. Неужели это на самом деле? Молодой, красивый, статный офицер, ежедневно проходящий в их заведение, человек, с которого она глаз не сводит — и вот он, рядом с ней, провожает её домой?.. Это явь или сон?

А он разговаривал с ней красивым мягким голосом. Она молчала, боясь нарушить идиллию. Пусть говорит, она будет слушать, чтоб запомнить этот вечер на всю жизнь. Ведь такое больше не повторится, была уверена она.

— Меня зовут Павел. Я давно обратил на вас внимание. Вы удивительно красивая девушка и потрясающе талантливы...

Как быстро они пришли к дому! Ей хотелось идти долго-долго, всю ночь, а они пришли, казалось, за одно мгновение.

— Вот я уже и дома, — сказала Ксения. Ей вовсе не хотелось расставаться, она не желала прощаться, но у неё не было причины задерживать этого человека. Правила приличия не позволяли ей продолжать разговор ночью, на улице с едва знакомым мужчиной. Ей пора было домой.

— До свидания, — сказала она.

Павел с явным сожалением ответил:

— Что ж... А вы за всю дорогу не проронили ни слова. Вы не хотели со мной разговаривать?

— Нет, что вы! Просто... просто я устала и горло болит от нагрузки. Я же зарабатываю себе на жизнь горлом, оно у меня натруженное.

— Ах, да, простите, я совсем забыл! А я подумал было, что моё общество вам неприятно.

— До свидания, — ещё раз сказала Ксения, в уме лихорадочно ища причину задержать Павла.

— Я смею надеяться ещё на одну встречу? — несмело спросил он. — Вы позволите завтра проводить вас до дома?

После некоторой паузы, как бы подумав, Ксения игриво ответила:

— А, пожалуй, позволю.

Павел взял её за руку и прикоснулся к ней губами. Что-то незнакомое, трепетное, волнующее пробежало по её телу. Она вырвала руку и убежала. Поднявшись в свою квартиру, она вошла в неё и, не включая света, боясь спугнуть свои новые чувства и ощущения, смотрела из окна на Павла. Он постоял, потом повернулся и пошёл. Глядя вслед его удаляющейся фигуре, Ксения подумала: «Кажется, я влюбилась. Вот некстати-то!»

Как ни сопротивлялась Ксения своей нечаянной любви, ничего у неё не вышло. Вопреки здравому смыслу она полюбила нового знакомого. Умом она понимала, что у них нет будущего: не может аристократ жениться на ресторанной певичке. Каждый раз, возвращаясь из ресторана по ночам в свою комнату, она прощалась с Павлом так, словно завтра она его уже не увидит. Прощалась, будто расставалась навсегда. Ксения не была уверена, что он снова придёт. «Я буду любить тебя всегда. Самое главное — чтоб ты был на этом свете», — думала она, глядя из окна на уходящего Павла. Воображение рисовало ей картины, как он, грузный, с седеющими висками, приходит в театр. С ним его семейство — полная, некрасивая жена с толстыми руками и пятеро, нет, шестеро невоспитанных детей, которые не умеют вести себя в обществе. Жена всем недовольна, дети кричат в

храме Мельпомены, чего-то от него требуют, дёргают... Он устал от них всех, едва дождался открытия занавеса и оркестровой увертюры. А потом на сцену выходит она, Ксения. Он смотрит на неё и узнаёт... Он вспоминает их бурный роман в молодости, на глаза наворачиваются слёзы... Он бросает к её ногам огромную охапку роз... Ярко-красных, бордовых...

Ксения вздохнула и вернулась из грёз к действительности. Как оно дальше сложится, никто не знает. Но сегодня она счастлива. И она всегда будет благодарна Павлу Полевикову за то, что он был в её жизни. Даже если он однажды исчезнет из неё.

* * *

— Потрясающая! Неподражаемая!
Удивительная! Единственная и неповторимая!
Блистательная Ксения Алмазова! Она сегодня поёт только для вас, господи!

Бурный рёв аплодисментов заглушил слова Антона Кузьмича. Её выход. Ксения уже стояла наготове. Прежде она всегда трепетала перед выступлением. Но сейчас её волновало лишь одно: выйти в зал и увидеть среди жующих ртов любимые глаза. Каждый вечер, выходя к публике, она видела ЕГО и успокаивалась. Раз он здесь,

значит, всё в порядке. Больше всего она боялась однажды не увидеть Павла в зале. Вот и сейчас она шагнула к публике и привычно стала искать глазами Павла. Здесь! Она успокоилась. Сейчас Ксения выложится на полную катушку. Ведь она поёт только для него... Остальных присутствующих она просто не видит. А может, их и нет рядом, есть только они: Ксения и Павел...

...Ночью они шли по спящему городу. Ксения возвращалась домой, а Павел провожал её. Это становилось привычкой для обоих. За каждый миг этого счастья — быть вдвоём, рядом, вместе, когда никого вокруг нет — Ксения могла бы отдать жизнь. Как ей хотелось продлить эти мгновения, когда ОН рядом! Она шла как можно медленнее, растягивая время до прощания.

— Мои родители сейчас в Европе. Мама любит Париж, они подолгу живут там, иногда выезжают на воды в Карловы Вары, — рассказывал Павел. — А ещё у меня есть брат-близнец Пётр. Он тоже служит, тоже военный. Мы с ним абсолютно одинаковы и в то же время совершенно разные. Он любит большие компании, любит быть в центре внимания, он всегда заводит, душа компании. Может выпить лишнего, пошуметь, прокутить всё до копейки. И, к сожалению, он посещает игорный дом, играет в азартные игры и чаще — с убытком для себя.

— Играет? — вздрогнула Ксения. Она слишком хорошо знала, к чему приводят подобные увлечения.

— Увы! Вся наша семья пыталась бороться с этой страстью Петра, но все усилия оказались напрасными. Он игрок.

Ксения вспомнила, как уносили из дома большой белый рояль... Сердце её сжалось, нежданно нагрянули воспоминания и она словно снова вернулась в те далёкие дни, когда безмятежное детское счастье обернулось суровыми жизненными испытаниями. Ей захотелось остаться одной, она не желала, чтобы новый знакомый видел её огорчённой, расстроенной, и потому поспешила попрощаться. Павел заметил, что Ксения как-то ушла в себя, отдалилась, будто находилась далеко от него. Он не знал, в чём причина этого, а спрашивать не решался, боялся быть навязчивым. Ему хотелось обнять девушку, но правила хорошего тона не позволяли ему этого. Он чувствовал, что Ксению что-то беспокоит. «Если бы она была моей, я бы прижал её сейчас к своему сердцу, обнял крепко-крепко и закрыл бы собой ото всех бед на земле. Она бы забыла обо всём плохом». Он с грустью смотрел ей вслед и вдруг подумал, что, собственно говоря, станет ли она его женой, зависит только от него. Ведь это возможно! Но что скажет мама? Нет, она никогда не позволит,

чтобы отпрыск благородного семейства Полевиковых привёл в дом девчонку из ресторана.

Ксения, уже скрывшаяся было за дверью парадного, вдруг вышла из него.

— Но ведь вы же не такой? — с надеждой спросила она у Павла. — Вы же не играете?

— Нет, конечно! — он понял причину её беспокойства. — Эта пагубная привычка есть только у моего брата, а я отрицательно отношусь к данному занятию. Меня никогда не привлекало зелёное сукно.

Оба не поняли, как это получилось, но она оказалась в его руках. Она прильнула к нему, а он крепче прижал её к себе. Ксения вовсе не собиралась вырываться из его объятий. «Вот если бы так всю жизнь! — подумал он. — Если бы она всегда была в моих руках...»

* * *

Ксения долго готовилась к этому. Можно сказать, всю жизнь. Она всегда мечтала петь в театре. Но для того, чтобы попасть туда, надо было показать себя с самой лучшей стороны. Она не могла брать частных уроков пения, так как ей не хватило бы денег. Всё, что было в её арсенале — это уроки месье Дюбуа в далёком детстве (а, может, оно вовсе не столь и далёкое?) Ксения оттачивала

своё мастерство в ресторане. Выступая перед жующей публикой, она представляла себя на сцене, как бы она блистала в самых сложных партиях, как бы ей рукоплескали самые знаменитые театры мира.

И вот этот миг настал. У модистки Ксения сшила красивое платье по выкройке из модного петербургского журнала. Она готовилась к прослушиванию в театре. Собственно говоря, она не знала, как это происходит, потому всё она представляла лишь в своём воображении. Ксения очень волновалась и поэтому никому ничего не говорила, чтоб в случае неудачи над ней не смеялись. Особенно она боялась сказать о попытке устроиться на службу в театр Павлу, своему новому знакомому. Если попытка окажется удачной, тогда и скажет. А если нет — то незачем ему знать, что она, Ксения, жалкая неудачница.

Как часто она представляла, как она толкнёт массивную дверь театра! Она часто проходила мимо специально, чтобы посмотреть на эту дверь, которая отделяла её от той, другой, волшебной жизни, каковую она надеялась разделить с теми, кто запросто заходил в эту дверь. Ксения восхищёнными глазами смотрела на тех, кто входил и выходил через эту дверь. Это боги, неземные существа, они работают в театре! Неужели и она, Ксения Никитина, когда-нибудь вот также просто

будет здесь ходить, и какая-нибудь другая девчонка будет вот так же, как она сейчас, с благоговением смотреть на неё? Так будет, обязательно будет, Ксения пройдёт этот путь, она не упустит своего шанса. А то, что голос у неё есть, она знала. Это говорил и месье Дюбуа и многочисленные посетители ресторана. На безголосую певицу никто бы не приходил. Надо только суметь показать себя с самой лучшей стороны. Так, чтобы восхитились все признанные театральные мэтры. Она сумеет это сделать. И тогда Павел не будет её стесняться, она будет уже не ресторанной певичкой, а театральной примой. И он будет приходить к ней не в ресторан, а в театр.

* * *

— Вы слышали, к нам в театр на прослушивание должна прийти какая-то девица из кабака? — подала голос мадам Суркова. Она была примой театра, но годы поджимали, ей рано или поздно пришлось бы уступить пальму первенства на подмостках.

— Неужели наше руководство допустит, чтобы она появилась на этой сцене? — поддержала её набирающая силу Наталья Криворучко. Она уже видела себя на месте стареющей мадам Сурковой и никому не собиралась уступать это место. А для

закрепления успеха она побывала в постели директора театра.

— Это позор для театра! — воскликнула Мария Постышева, кузина директора. Она тоже вполне обоснованно ждала отставки мадам Сурковой и главных ролей для себя. — Кабацкая девка в храме Мельпомены!

— Мы не можем допустить этого! — уверенно сказала Анна Мельниченко, тоже претендующая на главные роли. Для этого она не просто побывала в чьих-то постелях, она просто не выходила из них. Режиссёр и ведущие артисты — героини-любовники — были инструментом в её планах продвижения в театральной карьере.

— Мы служим искусству, а тут придёт какая-то срамная девка из трактира и займёт наше место! — возмутилась Варвара Тихомирова. Ей ведущие роли и не светили по причине её анатомических особенностей. Она была высокого роста, широкоплеча, нога была большая и широкая, такая, что даже мужские размеры обуви ей были малы. К тому же, она была громкоголоса и неповоротлива. Но и она справедливо, как ей казалось, рассчитывала на главные роли. — Нам надо сделать всё, чтобы она не смогла показать себя хорошо.

— Да она и так не может показать себя хорошо, — откликнулась Катерина Гуляева. Она

была самой молодой в театре, ей ещё служить и служить до звания примы, но она не собиралась ждать, она хотела получить всё и сразу и ни с кем ничем делиться не собиралась. — Откуда у девицы из трактира сценическое мастерство?

Каждая из этих женщин, актрис местного театра, жаждала быть примой. У каждой из них были свои планы, свои намерения, каждая вела свою линию поведения и борьбы с соперницами. И вдруг в их обществе должна появиться новенькая, которая может разом отобрать все их роли и растоптать их надежды. Все они боролись друг с другом, зная недостатки и слабости своих соперниц. А тут явится какая-то новая. Они ещё не знали её слабых и сильных сторон, но понимали, что должны все вместе противостоять ей. Им не нужна ещё одна конкурентка. Поэтому, обычно относящиеся друг к другу крайне неприязненно, они объединились против новенькой, которую даже ещё не видели.

Театральные методы борьбы были всем им известны. Надо привести её на грим, загримировать так, чтоб она стала похожа на умалишённую старуху, «случайно» опрокинуть на платье чашку кофе. В пудру можно подсыпать толчёного стекла или же перцу или табаку, чтоб чихала, а в туфли — иголок или битого стекла.

— Пусть приходит, мы её встретим, как

положено, — сказала мадам Суркова. — Видали мы таких выскочек. Поставим на место зарвавшуюся девицу, пусть знает, что её место — грязный кабак, а не сцена, святое для всех нас место.

* * *

С замирающим сердцем Ксения толкнула массивную с витой металлической ручкой дверь театра. На сегодня ей назначено прослушивание. Она второй раз приходит сюда. В прошлый раз она побывала у директора театра и он назвал ей сегодняшний день для просмотра. Тогда она впервые увидела театральное закулисье, проходя по коридорам театра мимо швейного цеха, реквизиторского, парикмахерского, где делали парики. Мимо неё то и дело пробегали миниатюрные балеринки или артисты в своих костюмах и гриме. Так вот он какой, мир кулис! Ксения с упоением вдыхала его воздух, не веря себе, что попала наконец сюда. В тот день директор Илья Станиславович Хлебников был чем-то занят, он не стал долго разговаривать с посетительницей.

— Приходите во вторник, — сказал он ей. — Мы соберёмся все и послушаем вас.

И вот наступил долгожданный вторник. Ксения снова идёт по театральным коридорам. Снова мимо швейного, реквизиторского,

парикмахерского цехов. Она почувствовала дрожь. Волнение охватывало её и перехлёстывало через край. Надо забиться куда-то в уголок, побыть наедине и собраться, чтобы преодолеть тревожное настроение и страх. Надо найти какую-нибудь щёлку, какой-нибудь укромный уголок, где на несколько минут уединиться. Надо унять дрожь, стряхнуть с себя трепет и страх. Надо побыть в тишине, чтоб слышен был только стук собственного сердца. Она должна стать собой, обычной Ксенией, которая ежедневно выходит к публике и покоряет её.

* * *

— Она пришла, я её видела! — уверяла Варвара Тихомирова.

— Так где же она? — недоумевали остальные. Они искали Ксению, но её нигде не было. Актрисы дали задание всем работникам театра отыскать девицу, но никто не знал, где она. Драгоценное время уходило, в гримёрной всё было готово для «встречи», но Ксению не могли найти. Отчаяние овладевало женщинами — неужели выскочке удастся обойти их и выйти на подмости?

А в зале тем временем собирались те, кто пришёл посмотреть на дебютантку. Это был и директор театра, и режиссёр, и актёры, исполнители

заглавных мужских ролей, потенциальные партнёры новенькой, и просто любопытные. Всем хотелось увидеть, кто же пришёл на прослушивание, кого могут взять или же не взять в театр.

Ксения вышла на сцену уверенно и спокойно. Минуты, проведённые ею в одиночестве, вернули ей твёрдость и веру в свою победу. Она увидела в зале перед собой своих сегодняшних зрителей и стала говорить:

— Добрый день! Меня зовут Ксения Никитина. Я приготовила для вас программу, состоящую из трёх частей. Сначала я спою вам русские романсы, потом — арии из опер, и в заключение — народные песни.

Она не услышала, как в зале кто-то прошептал:

— Да это же Ксения Алмазова из «Глицинии»! Певичка из ресторана!

Её узнали. По рядам пошёл шёпот:

— Ты кого нам привёл? — это относилось к Илье Станиславовичу. — Не хватало нам ещё певиц из трактиров!

— Но я не знал! — шёпотом оправдывался Хлебников. — Я, в отличие от вас, не хожу по трактирам. Давайте всё же послушаем, раз уж мы все сюда пришли.

Всего этого Ксения не слышала. Она

обернулась к концертмейстеру за роялем, которому перед этим вручила ноты, подобранные ею для своего сегодняшнего испытания, и дала знак:

— Начинаем.

И полилась музыка. Ксения запела. С первыми же звуками она услышала свой голос, летящий под купол театра. Акустика, которой не было в ресторане, дала возможность певице по-новому услышать собственный голос. Слушая себя, она пела и уходила в чарующий мир музыки. Она уже не видела перед собой зрительного зала со слушателями, она словно парила в небесах, а музыка и её голос летели ввысь, уходили далеко, высоко и воспаряли над грешной землёй. Её собственный голос уносил её в дивный мир, туда, где нет места бедам, болезням и несчастьям.... Она набирала больше воздуха в грудь, и её вокал с новой силой летел в подоблачную высь.

Ксения не сразу поняла, что она закончила петь. Она уже не в небесах, а на сцене в театре, где с малых лет мечтала выступать. Все её зрители — театральное руководство — рукоплещут ей стоя. Даже аккомпаниатор, и тот, стоя в глубине сцены, аплодирует ей.

— Бра-во! Бра-во! Бра-во! — скандировали все.

Ксения смутилась. Она не верила своим глазам. Неужели эти аплодисменты — ей? Неужели

крики «браво» для неё? Неужели свершилось то, о чём она мечтала всю свою сознательную жизнь?

— Вы приняты в труппу, — заверил её Хлебников. — Приходите завтра утром, обсудим ваше жалованье и подпишем контракт.

Люди поднимались на сцену, поздравляли её, пожимали ей руки. Ещё несколько минут назад они были по разные стороны баррикад, а теперь они почти коллеги. Признанные мэтры сцены признали Ксению своей. Их восторгу не было предела.

— Такого голоса ещё не знал наш театр, — восхищённо сказал Хлебников. А ему уже нашёптывали:

— Контракт надо составить на как можно больший срок, иначе упорхнёт наша птичка, переманят её другие, более именитые театры.

— Подпишем, подпишем, — торопливо ответил директор и снова обратился к дебютантке: — Так вы обязательно явитесь завтра утром ко мне в кабинет, мы всё обсудим и составим контракт, удовлетворяющий нас обоих.

— Да, конечно, обязательно, приду, — растерянно отозвалась Ксения. Она едва успевала ответить на рукопожатия, поздравления, объятия и признания её потрясающего голоса уникальным на этих подмостках.

И только из-за кулис на неё смотрели ненавидящими глазами. Актрисы понимали, что эта

выскачка многим из них перешла дорогу. Некоторым раньше времени придётся попрощаться со сценой, а другим и вовсе поставить крест на своей сценической карьере.

— Ну, дрянь, подожди! Ты у нас попляшешь! Мы тебе устроим «весёлую» жизнь! — шипели они. — Придёшь ты у нас на постановку, мы тебе покажем, как чужие места занимать!

* * *

Ксения пришла в ресторан, как ей казалось, последний раз. Больше она не будет петь здесь. Сегодняшний вечер — последний в «Глицинии». Она скажет об этом сегодня посетителям, это будет её прощальный вечер. И тут же суеверно подумала: «Нет, пока контракт не подписан, нельзя никому ничего говорить. Потом, когда всё будет подписано, тогда я устрою прощальный вечер».

Она сидела в гримёрке перед зеркалом и не торопилась переодеваться. Не верилось, что свершилось то, о чём она мечтала многие годы. Она уйдёт отсюда и никогда больше не переступит порог этого ресторана. У неё будут аншлаги, аплодисменты, поклонники, цветы... Кажется, начинается новый этап жизни — весь мир будет у её ног. А как же Павел? Что ж, он скоро увидит её на сцене, он узнает её другой. И тогда выбор будет

за ним. Пусть сам решает, кем она станет для него. А он для Ксении всегда будет любимым, единственным и самым дорогим человеком. Сколько бы лет ни прошло, что бы ни случилось в жизни — Павел Полевиков всегда будет занимать особое место в её сердце. Самое главное, что он был в её жизни, прошёл по её судьбе, и если даже они расстанутся по какой-то причине, она всегда будет помнить его и благодарить за то, что он был в её жизни и что он где-то есть на свете. Она никогда не забудет его. Последние дни Ксения летала на крыльях от любви и ей хотелось писать стихи. Но когда она брала перо в руки, обмакивала его в чернильницу и хотела вывести слова на бумаге, у неё всегда получалось только одно слово, одно имя: Павлик.

— Мадемуазель Ксения, вы готовы? — заглянул к ней Антон Кузьмич. — Вас ждут в зале.

Она встрепенулась. Да, надо готовиться к выходу. Если бы она была более внимательной, не так зацикленной на себе в этот вечер, она бы заметила, что Антон Кузьмич хитро улыбался в усы.

Ксения быстро взяла себя в руки, переделалась, наложила грим. Сегодня знаменательный день, она получила приглашение на работу в театр, а потому она надела счастливое новое платье, в котором была сегодня на прослушивании. Перья и блёстки

на сегодня отменяются, она выйдет в красивом вечернем платье синего цвета, переливающимся серебром в свете фонарей. И не будет она никому ничего объяснять, почему она вышла в другом наряде.

Ксения вышла из гримёрки, прошла по коридору, вышла в ресторанный зал и... остолбенела. Он был пуст. Никого не было. Хотя нет, за одним из столиков сидел человек. Это был Павел Полевиков...

Она не могла ничего понять. Что происходит? Где посетители? Почему Павел один в зале?

А он тем временем поднялся, подошёл к ней и галантно предложил пройти с ним за его столик.

— Почему вы один в зале? Где посетители? Перед кем я буду петь?

— Вы сегодня не будете петь. Я снял на вечер этот ресторан, сегодня вы здесь гостья. Это будет наш вечер, только вы и я. Я должен вам сообщить что-то очень важное. Пожалуйста, пройдёмте за наш столик.

Ксения, недоумевающая, пошла за ним. Они сели перед сервированным столом. Официанты подносили блюда. Ксения впервые оказалась в роли клиентки ресторана, потому чувствовала себя немного скованно.

Когда они пригубили вина, Павел предложил потанцевать. Тапёр стал наигрывать мелодию, и

Павел пригласил её на вальс. С замирающим сердцем Ксения кружилась в вальсе, чувствуя его дыхание и тепло его рук. «Стоит ли сегодня сказать ему, что я отныне буду играть в театре? Или всё же подождать до завтра, когда будет подписан контракт? А что, собственно говоря, изменится от того, сегодня я ему скажу или завтра? Главное, что я теперь артистка на сцене, а не в ресторанном зале». Она думала о своей будущей артистической карьере, а близость Павла перебивала эти мысли, коварно подсовывая другие, непонятно откуда взявшиеся: «А может, не это главное? Может быть, вот этот человек, который держит меня в своих руках — может, это и есть то, ради чего стоит жить? Может, ну его, театр, с его проблемами, конкуренцией, кознями соперниц, недвусмысленными намёками режиссёров? Нет, нет, ни в коем случае! Я так долго к этому шла, так долго добивалась своего, получила всё, что хотела, и должна воспользоваться этим по полной программе! Бог дал мне голос, и я обязана пройти тот путь, который мне уготован свыше. Не каждому везёт вот так, как мне сегодня. Я выиграла лотерею и воспользуюсь всеми благами, которые принесёт мне этот путь, даже если он окажется на Голгофу». Ксения уже чувствовала себя настоящей актрисой и готова была пожертвовать всем, что будет мешать ей осуществить её мечту. Всем — даже этим

мужчиной, который бережно ведёт её в танце.

Павел крепче прижал девичье тельце к себе и прошептал ей на ушко:

— Сегодня наш прощальный вечер. Наш полк переводят на Кавказ. Я должен уехать из вашего прекрасного города.

— Как? — отпрянула Ксения. — Вы уезжаете?

Неужели он не увидит её триумфа на сцене? Неужели она не увидит больше его глаз, с любовью глядящих на неё, дающих ей уверенность и вдохновение? Неужели они расстанутся? Нет, это невозможно!

Павел предложил девушке вернуться за столик. Он видел, что она по-настоящему расстроилась, и это его подбодрило — она не хочет с ним расставаться.

— Я получил отпуск, перед отъездом к месту службы съезжу в наше родовое имение Брусникино в Нижегородской губернии. Там давно никого из нас не было. Родители в Европе, Пётр, как и я, на службе, проблем накопилось выше крыши, надо навести порядок в делах.

Ксения не могла собраться с мыслями. Она думала, что сегодня самый счастливый день в её жизни — она получила приглашение в театр, а оказалось, что этот день самый неудачный — она теряет Павла. А разве он ей когда-нибудь

принадлежал? Разве он ей что-то обещал? Ведь она с самого начала знала, что никогда им не быть вместе — слишком они разные. Почему же сейчас ей хочется плакать от досады? У него свой путь, а у неё — свой. Её путь будет усыпан цветами, её будут сопровождать поклонники, овации — и в этом её счастье. Надо принять всё, как есть, смириться и идти по своей стезе. Может, когда-нибудь, через много лет...

Глядя на огорчённую девушку, изо всех сил пытающуюся совладать с эмоциями, Павел сказал:

— Я не хочу с вами расставаться. Едва увидев вас, я понял, что вы — моя судьба. Я хочу, чтобы вы всегда были со мной и стали матерью моих детей. И потому я делаю вам предложение руки и сердца, — он достал из внутреннего кармана красненькую коробочку с золотым колечком. — Станьте моей женой!

Ксения потрясённо смотрела на него. Вот это да! Две мечты были у неё в жизни: театр и ОН. Две равноценные мечты, о которых она боялась даже загадывать... И вдруг в один и тот же день она получает два предложения — от театра и от НЕГО... Свершилось то, о чём она грезила, страшась сказать вслух о своих мечтаниях — и вот на тебе, в один день стало явью одно и другое! Как же теперь быть, ведь надо выбрать что-то одно. Выбрать одно и отказаться от другого.

— Поедем вместе со мной в имение, вы там будете спокойно жить, пока я на службе. Вам не придётся более зарабатывать себе на жизнь в этом ресторане, вы будете обеспечены всем. Почему вы плачете? Почему на ваших глазах слёзы? Я чем-то вас обидел? Я сказал что-то не то?

Ксения мотнула головой.

— Нет, вы ничем меня не обидели. Но дело в том, что... что меня сегодня приняли в театр. Я мечтала об этом с детства. Это было самым моим заветным желанием. И это свершилось! Я не могу отказаться от своей мечты... Если бы вы раньше мне предложили стать вашей женой, я бы безо всяких сомнений... А теперь — не могу. Я не могу предать свою мечту.

— Понятно, — тихо сказал Павел. — Что ж, я вас понимаю. Вы правы, нельзя предавать свою мечту. А колечко всё же примите. Пусть это будет память обо мне. Посмотрите на него и вспомните своего самого надёжного и преданного поклонника.

Ксения чувствовала, как её сердце рвётся напополам. Разве может она отказаться от этого человека? Родной, любимый, самый лучший... Она закрыла лицо руками. От мечты нельзя отказаться, а от него — можно? Нет, она не может от него отречься! Что же делать? Как быть? Зачем судьба поставила её перед таким жестоким выбором? Ведь она мечтала выступать на подмостках и видеть

Павла в зале среди зрителей, как обычно это и было до этого. И самым заветным желанием её было то, что он бы сделал ей предложение, что и произошло сегодня, она бы сказала «да», и продолжалось бы всё по-прежнему: она бы пела, он бы приходил к ней в театр, а потом они вместе шли бы в свой общий дом. Что же случилось, почему не вышло так, как она мечтала? В чём причина? А вот в чём — Павел уезжает. И они никогда больше не встретятся. Никогда больше в её жизни не будет ТАКОГО мужчины. Будут другие, а такого не будет. Но ей не нужны другие, ей нужен только он...

Слёзы градом лились по её лицу. Ксения вышла в дамскую комнату и смотрела на себя в зеркало, висящее над умывальником. Разве можно, встретив свою судьбу, разминуться, пройти мимо и спокойно жить дальше? Нет! Разве может она его потерять? Нет! А как же театр? И от него она не может отступить... Что же делать? Как поступить? У кого спросить совета?

Ксения умылась под струёй воды, ещё раз посмотрела на себя в зеркало и пошла в зал.

* * *

За тысячи километров от Херсона, в небольшой гостиной дома на Монмартре Иван

Степанович Полевиков, никуда не собираясь в этот вечер, уютно устроился в кресле. Он углубился в чтение газеты. Но в комнату решительным шагом вошла его супруга, Мария Васильевна. Только что она получила письмо весьма неприятного для неё содержания.

— Иван, мне надо с тобой поговорить. Отложи газету, прошу тебя. У нас неприятности.

Иван Степанович, продолжая читать, глянул на свою вторую половину поверх газеты, вовсе не намереваясь её отложить:

— Что случилось? Чума? Холера? Лопнул наш банк в России?

— Я получила письмо из Херсона, — ответила Мария Васильевна, не обратив внимания на колкость мужа, — помнишь, Пелагея Филипповна, моя приятельница, ну мы ещё виделись с ней на водах в Кисловодске, она там недалеко от Павлика живёт, так вот она написала мне, что он связался с какой-то певичкой из трактира!

Мария Васильевна сделала многозначительную паузу, ожидая реакции мужа. Но вместо возмущения он равнодушно спросил:

— Ну и что?

— Как это что? — захлебнулась от возмущения она. — Нашего Павлушу окучивает какая-то девка, а тебе всё равно!

— Давно пора. Он мужчина, он должен

приобретать опыт.

— Да что ты такое говоришь! Она же певичка!

— Ну и что? Пусть она будет хоть полемойкой. Я его поддерживаю. К тому же, когда Петя без конца меняет девиц, ты в этом проблемы не видишь.

— Петенька — умный мальчик! У него могут быть десятки и сотни женщин, но он же на них не женится! Он ждёт свою половинку, достойную нашего благородного происхождения. А Павлуша, как телёнок, ему какая упадёт на грудь, так он тут же и пойдёт с ней под венец. Он добрый мальчик, всем верит, никому отказать не может. Этим любая воспользуется. Откуда он её взял? Где он её нашёл? В кабаке! Разве там бывают приличные женщины? Она певичка! Певичка! А вдруг он на ней женится? И приведёт её в наш дом? Нет, надо что-то предпринимать!

— Что ты можешь сейчас предпринять? — лениво спросил её муж. — Поверь мне, я тоже был молодым, мне тоже хотелось чего-то запретного. Мы все прошли через это.

Мария Васильевна потрясённо смотрела на него.

— Послушай, дорогой, не хочешь ли ты сказать, что до меня у тебя кто-то был?

Он в ответ неопределённо кивнул и добавил:

— Мы, мужчины, устроены по-другому, вам

этого не понять. Хотя ты же Петю принимаешь таким, какой он есть. Почему же ты Павлика бранишь за это же самое?

— Петруша не наделает глупостей, я тебе уже объясняла, — выдохнула Мария Васильевна. — А этот может!

— Знаешь, давай закроем эту тему. Пока ничего страшного не произошло. Пусть сын развлекается. У него тяжёлая служба, ему надо расслабляться.

* * *

Павел проводил Ксению до дому, как обычно. Почти всю дорогу они молчали. Перед тем, как попрощаться, Ксения, зная, что он ждёт от неё решения, тихо сказала:

— И всё же театр...

Он крепко прижал её к себе. Он ещё ни разу не целовал её, а теперь, после произнесённых ею слов, когда между ними словно пролегла невидимая грань, он понимал, что уже не может сорвать с её губ прощальный поцелуй. Она выбрала не его. Ксения выбрала другое. Она никогда не будет принадлежать ему. Таков её выбор. Он должен смириться, уехать и забыть. Нет, забыть вряд ли получится. Он будет вытравлять её из памяти, выкорчёвывать из сердца, отрывать её от себя по

живому.

— Я принимаю ваше решение. Вы действительно можете стать знаменитой певицей — стараясь унять боль, ответил Павел. — Разрешите мне завтра, когда я буду уезжать из города, проехать мимо вашего дома, чтоб ещё раз увидеть вас...

— Да, — ответила Ксения, — да...

Она хотела идти, но не могла вырвать свои руки из его рук. Они держались за руки, смотрели друг на друга и не могли расстаться...

Всю ночь Ксения не могла сомкнуть глаз. Она ходила по комнате, как раненая львица, и не могла дать себе ответ на вопрос, правильный ли она сделала выбор. Она привыкла, что он всегда среди зрителей. Как теперь она будет выходить на сцену, не видя его? Только глядя в его глаза она блестяще проводила свои концерты. Сможет ли она без него так же хорошо выступить? А он в это время будет где-то далеко, с другими женщинами...

Он навсегда исчезнет из её жизни. Можно ли с этим смириться? Ничего, будут другие — словно нашёптывал ей кто-то. Но ей не нужны другие! Ей нужен только он!

Утром у неё важная встреча — подписание контракта. Она должна быть свежей и красивой. Но не получалось думать о завтрашнем событии.

Мысли всё время возвращались к Павлу. «Я привыкну, — уговаривала себя Ксения. — Первое время будет тяжело, а потом новая жизнь закрутит, всё забудется...»

Промелькнула другая мысль, неизвестно откуда взявшаяся. Если у неё, Ксении, очевидный талант, она может петь и в другом театре. Пока Павел на службе, она может устроиться в тамошний театр. Она тут же отогнала эту мысль. Во-первых, неизвестно, понравится ли ему, что его жена будет зарабатывать на подмостках, а во-вторых, неизвестно, возьмут ли её в другой театр. Может, там есть артистки лучше и талантливей. Её взяли здесь, она нужна в этом театре, ей несказанно повезло именно в этом городе, а в другом фортуна ей может и не улыбнуться.

Ночь пролетела, как одно мгновение. Наступил серый рассвет, перешедший в утро. Ксения, помня, что Павел должен утром проехать мимо её дома, не отходила от окна. Она не может пропустить его отъезда. Ещё раз увидеть его перед расставанием навсегда. Перед тем, как начнётся новая жизнь, надо распрощаться со старой. С замиранием сердца она смотрела на дорогу, по которой должен проехать экипаж. Только бы не пропустить его! Только бы... Увидев Павла под окнами своего дома, Ксения метнулась на улицу. Не страшась злых взглядов недоброжелателей и